

УДК 94(38):159.9

Г.И. Садыков

«ИМЕТЬ ИЛИ БЫТЬ»? КРИЗИС СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ОТВЕТ НА ВЫЗОВЫ НОВОГО УКЛАДА

На примере кризиса античного полиса рассматриваются причины возникновения двух поведенческих матриц, названных Э. Фроммом модусами бытия и обладания.

Ключевые слова: кризис полиса, модус поведения.

«Иметь или быть»? – это название одного из трудов известного психолога и социолога Эриха Фромма. Суть такой постановки проблемы заключается в противопоставлении Фроммом двух модусов поведения человеческой природы: модуса бытия и модуса обладания. Вот что учёный говорит о природе обладания: «Природа обладания вытекает из частной собственности. При таком способе существования самое важное – это приобретение собственности и моё неограниченное право сохранять всё, что я приобрёл» [1. С. 103]. Но у него есть и более яркие выражения, которые характеризуют природу обладания гораздо яснее и глубже: «В буддизме этот способ поведения описан как «ненасытность», а иудаизм и христианство называют его «алчностью»; он превращает всех и вся в нечто безжизненное, подчиняющееся чужой власти» [1. С. 103].

Значительно реже встречающийся, по мнению Фромма, модус бытия имеет в своей основе независимость, свободу и наличие критического разума. «Его основная характерная черта – это активность не в смысле внешней активности, занятости, а в смысле внутренней активности, продуктивное использование своих творческих потенций» [1. С. 114].

Конечно, строивший свою теорию, Фромм опирался в основном на эмпирический материал, связанный с современным ему индустриальным обществом. Однако попробуем использовать данную теорию в совокупности с рядом других, таких, например, как теория идентичности Э. Эриксона, теория установки Д. Узнадзе и др., применительно к античному материалу. Основанием к этому может послужить то, что такой комплекс методик по исследованию бессознательного уже не раз успешно применялся в изучении не только современных пластов истории, но и различных исторических сюжетов эпохи Средневековья и даже древней истории. Ярким примером в этой области являются исследования томской исторической школы [2, 3, 4].

V–IV вв. до н.э. стали переломным моментом не только для истории Древней Греции, но и, пожалуй, для всей европейской истории. Именно на этом этапе, по мнению многих исследователей, греческая полисная система достигла сначала своего наивысшего расцвета, а затем и своего краха. Вот что пишет по этому поводу известный отечественный антиковед Э.Д. Фролов: «В самом деле, пора наивысшего расцвета в Древней Греции полисной цивилизации – эпоха так называемого *Пятидесятилетия*, т.е. время от решающих побед греков в борьбе с персами и до начала междоусобной Пело-

понесской войны (479–431 гг. до н. э), совпадает с началом развития и таких тенденций, которые скоро должны были подточить фундамент этой цивилизации. Скажем яснее: Греко-персидские войны, в ходе которых полисный строй столь убедительно продемонстрировал свои преимущества перед восточной деспотией, резко стимулировали общественный прогресс, а в этом прогрессе и были заложены исторические основания кризиса полиса» [5. С. 15]. Именно это время идеально подходит для того, чтобы случилось то, что принято называть кризисом идентичности [6]. Этот процесс не был совсем однороден, здесь было и то, о чём писал Эриксон: «Попав в экстремальные условия войны, они (люди) потеряли ощущение тождества личности и непрерывности времени» [6. С. 26], и более масштабный процесс, связанный с эрозией прежних фиксированных установок и укреплением новых, актуально-моментальных. Ведь в результате войн с персами произошло настоящее оплодотворение греческой экономики, помимо набирающих обороты ремесла и торговли в городе, толчок к развитию получили и некоторые отрасли товарного земледелия (производства вина и масла). В связи с этим крепнут и расширяются крупные рабовладельческие хозяйства, в которых задействуют новых захваченных рабов. «К этому времени относится возникновение крупных состояний в Элладе, как об этом можно судить на примере афинянина Каллия, разбогатевшего за счёт добычи, взятой у персов при Марафоне» [5. С. 15]. Последовавшая за греко-персидскими войнами Пелопонесская война, бывшая по своей сути междоусобной, лишь способствовала развернувшемуся процессу смены установок.

Можно сказать, что в условиях афинской экспансии обнаруживается нечто скрытое в глубинных пластах бытования самой цивилизации: рост торговли и обмена как спутников, с одной стороны, рост самого материального уклада греческого мира, с другой – расширение его контактов с другими мирами, в том числе и Востоком, повлек за собой появление на авансцене истории новых агентов истории (термин П. Бурдьё [7]), являвшихся носителями этого уклада, которые всем своим образом жизни и притязаниями бросили невольный вызов традициям и, в частности, элите полиса, которая доселе была носительницей основных его ценностей. Следует особо подчеркнуть, что этот конфликт будет не раз взрывать европейскую историю, особенно прозрачно дав о себе знать в эпоху позднего Рима, если говорить об античном времени, или же в эпоху конца Средневековья – начала раннего Нового времени, или же в пореформенную эпоху России века XIX, равно как и в перестроечном и постперестроечном пространстве современной России. Везде он явит свой лик в появлении нуворишей, людей из той среды, которая не принадлежала к аристократии, но пришла, условно говоря, из низов и стремилась занять свое место под солнцем, тесня традиционную элиту. С горечью многие ее представители могли говорить так, как сказал Алкей: «Деньги – это человек».

Однако, даже несмотря на масштаб разложения прежней системы ценностей, находились и такие личности, которые не склонились перед утвердившим свою власть модусом обладания, и в числе таких были всем известные Сократ сын Софроникса и Платон Афинский.

Жизнь Сократа – сама по себе ярчайший пример торжества творческого начала ради него самого, ведь мудреца нельзя упрекнуть ни в корысти, ни в тщеславии, напротив, история сохранила массу примеров, доказывающих обратное: «Его можно было встретить на рыночной площади, в мастерской оружейника, сапожника, в гимназиях и палестрах (местах для занятия гимнастикой) – словом, почти всюду, где он мог общаться с людьми и вести беседу. В то же время этот человек избегал выступлений в народном собрании, на суде, в других государственных учреждениях. Это был афинянин Сократ, сын Софроникса» [18. С. 51–52]. Вот один из ярких случаев, когда Сократ в очередной раз поставил правдоискательство выше материальных ценностей и одобрения власти: как-то ему было поручено привезти с острова Соломина известного богача Леонта; привезти для того, чтобы казнить (олигархи стремились завладеть его имуществом). Сократ выполнить поручение отказался, чем в очередной раз продемонстрировал свою самостоятельность и принципиальную позицию. А.Ф. Лосев по этому поводу эмоционально замечает: «Сократ едва избежал казни, да от кого? От тех, кого считали его учениками – Крития и Хармида (Алкивиад к этому времени был убит в Малой Азии), давным-давно променявших трудное сократовское правдоискательство на политические интриги» [9. С. 25].

В конечном итоге жизненный путь Сократа закончился весьма предсказуемо – он был казнён за свои убеждения, от которых не отрёкся ни на суде, ни перед смертью [10]. Однако его идеалы и убеждения оказали колоссальное влияние на юного Платона, который, возможно, не до конца это осознавая, сделал гораздо больше своего учителя для их распространения. Воспитанный в очень знатной семье в лучших традициях калогатии (от греческих слов «*kalos*» – прекрасный и «*agathos*» – хороший), получивший прекрасное, по тем временам, образование у лучших и мудрейших мужей (Дионисий, Дракон, ученик Дамона, Аристон из Аргоса и т.д.), он отказывается идти по, казалось бы, чётко определённой пути политика и общественного деятеля. Пожалуй, главной причиной отказа Платона от одной из важнейших полисных ценностей – активного занятия общественно-политическими делами – послужила именно гибель учителя, с которым он, без сомнения, себя идентифицировал. «Писанные законы и нравы поразительно извратились и пали, так что у меня, вначале исполненного рвения к занятию общественными делами, когда я смотрел на это и видел, как всё пошло вразброд, в конце концов, потемнело в глазах» [11. С. 477]. Тем не менее даже сконцентрировавшись на литературном творчестве, мыслитель не смог переступить через цельный комплекс фиксированных установок его эпохи, связанных с общественно-политическим поприщем. Он сублимирует свою безграничную творческую энергию для создания проекта идеального государства, который безуспешно пытается реализовать за пределами Афинского полиса, ища благоволения сиракузских тиранов.

Несмотря на некоторый эгоистический и авторитарный оттенок своей политической теории, Платону удалось в наиболее четком для тогдашней эпохи виде отрационализировать уязвимость греческой демократии, ахиллесову пяту которой он видел, если модернизировать его мысль (а без этой

натяжки не обойтись, чтобы понять ее движение), в непрофессионализме отправления власти (вспомним классика: «Кухарка не может управлять государством»). Непрофессионализме, приводящем к пагубным последствиям для многих. И во многом поэтому в основе политической модели философа чётко прослеживается гуманистическая составляющая, очень ярко проявляющаяся в словах: «...никакое искусство и никакое правление не обеспечивает пользы для мастера, но, как мы тогда и говорили, оно обеспечивает её и предписывает своему подчинённому, имея в виду то, что пригодно слабейшему, а не сильнейшему» [12. С. 103–104]. За образом же мудрого правителя платоновской утопии скрывается прозрение человека, испытавшего эти последствия и стремящегося найти средства избежать их.

Подводя некую черту, можно сказать, что гуманизм Платона родился на хрупкой почве *личных идентификаций с человеком*, олицетворявшим для него авторитет, человеком, подвергнутым в ситуации кризиса остракизму, несправедливо попраным «слабейшим». Но само страдательно-творческое разрешение кризиса идентичности Платона, явившегося, в свою очередь, отражением кризиса полиса, его ценностных ориентаций, стало возможным благодаря накопленному в этом же полисе на уровне как психологического, так и интеллектуального опыта знания.

Литература

1. Фромм Э. Иметь или быть? М.: Прогресс, 1986.
2. Николаева И.Ю. Проблема методологического синтеза и верификации в истории в свете современных концепций бессознательного. Томск, 2005.
3. Николаева И.Ю. Методологический синтез: «сверхзадача будущего» или реалья сегодняшнего дня // Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы. Томск, 2002.
4. Зорина Н.С. Деформация гендерного кода поведения элиты в контексте кризиса поздне-римского общества (к постановке вопроса) // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 2007. Вып. 28.
5. Фролов Э.Д. Греция в эпоху поздней классики (Общество. Личность. Власть). СПб., 2001.
6. Эриксон Э. Идентичность: Юность и кризис. М.: Прогресс, 1996.
7. Бурдые П. Социология политики. М., 1990.
8. Кессиди Ф.Х. Сократ. Ростов н/Д, 1999.
9. Лосев А.Ф., Тахо-Годи А.А. Платон. Аристотель. М., 2000.
10. Платон. Апология Сократа, Критон, Ион, Протагор. М.: Мысль, 1999.
11. Платон. Письма // Законы. М., 1999.
12. Платон. Избранные сочинения. М., 1994. Т. 3.